

## РАСШИРЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ВЛАДЕНИЙ ДУХОВЕНСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVI ВЕКЕ

Уваров Игорь Юрьевич

Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого  
(г. Гомель, Беларусь)

*В статье представлена информация о стремлении представителей духовного сословия ВКЛ к расширению своих имущественных владений в XVI веке.*

Противоречия феодальной эпохи представляют собой сложный комплекс чрезвычайно запутанных и вместе с тем крайне важных явлений общественной жизни. Проявление общего реформаторского курса в ВКЛ, расширение прав и привилегий шляхты – это частичные противоречия в период развития феодализма в XVI в. Кроме внутри-сословных противоречий, шляхта находилась в определенном противостоянии по отношению к духовенству, представители которого также являлись держателями земельной собственности. Имели свои сложности. Церковные феодалы в первой половине XVI в. владели солидными богатствами, являясь владельцами обширных земельных латифундий с зависимым населением. Костелы и монастыри имели в своем подчинении пашенные земли, сенокосы, бортные угодья, реки и озера [1, с. 17–19].

С одной стороны, это способствовало укреплению экономического благосостояния церковников, а с другой – обостряло социальные отношения в среде светской знати, что влекло за собой более жесткую эксплуатацию зависимого населения. В этом наблюдалась тенденция формирования земельной собственности церкви, в таких условиях митрополиты и епископы имели право управлять имениями монастырей и церквей, которые были в их распоряжении, назначать должностных особ духовного сана. В некоторых случаях права митрополитам и епископам на владение монастырями и церквями были даны представителями господарской власти – Александром Ягеллончиком в 1499 г. и Сигизмундом Старым в 1511 г. [2, с. 189–190].

Высшие иерархи церкви имели право судить виновных в своих имениях «...и непослушных и выступивших встять и карать, по их праву и уставам...». О притеснении сословных интересов служилых бояр свидетельствует коллективная жалоба великому князю Александру от 30 мая 1496 г., исходящая от яворонских бояр жемойтского епископства. Из разбираемого дела видно, что представители духовной иерархии были крупными землевладельцами и хотели подчинить своей власти большую группу служилых бояр. При этом нападавшие несколько не посчитались с тем, что потерпевшие доказывали свою принадлежность к сословию бояр-шляхты.

Выяснив все обстоятельства данного инцидента, господарь выступил защитником пострадавших бояр. В своем наказе он потребовал жемойтскому епископу, князю Мартину, чтобы он все награбленное имущество вернул законным владельцам и никаких препятствий этим боярам более не чинил. О сложности отношений духовенства с представителями светской власти свидетельствует

еще один случай, когда дело было связано с отстранением лиц духовного звания от светских судов и запретом великокняжеским администраторам судить духовенство. Из грамоты киевского воеводы князя Константина Острожского от 14 марта 1591 г., адресованной переяславскому старосте Яну Чижу: запретить княжеским урядникам разбирать судебные дела духовенства. Князь К. Острожский приказывает прекратить всякого рода разбор дел, касающихся духовенства, а если будут замечены какие-либо нарушения со стороны духовенства, то об этом ставить в известность представителей местной духовной администрации. Данный документ был составлен в г. Турове [3, с. 41].

Священники составляли отдельное сословие богатых людей. Они не платили многих налогов, в том числе общегосударственных, необходимых для снаряжения войска в период военных действий. А между тем, как свидетельствуют исследования историков, во владениях виленского бискупства в 1539 г. находилось 3797 дымов. В качестве тяглогового и гужевого скота у крестьян использовались волы и лошади. В количественном соотношении в среднем выходило на 135 дымов 113 волов и 170 лошадей. Соответственно, подданные бискупства имели высокий уровень рентабельности в своих хозяйствах. Вместе с тем духовная знать – епископы, настоятели монастырей и прочие особы – состояла в деловых и родственных отношениях со светскими феодалами. Все они являлись опорой великокняжеской власти, делая ее более могущественной и сильной.

Земельная собственность многих учреждений церкви, бискупств, костелов и других быстро росла за счет особых пожалований представителей власти и вкладов отдельных лиц. Высшее духовенство, получая в держание земли, приобретало тем самым особую степень власти над крепостным населением. Высокопоставленные особы не скупились в своих обещаниях. Так, великий князь Александр в 1503 г. дал привилей Витебскому костелу св. Троицы, согласно которому все жители, находящиеся в подчинении этой феодальной организации, освобождались от повинностей в пользу государя. В 1535 г. особую грамоту от верховной власти получают люди Виленской капитулы, в которой указано об освобождении церковных подданных от выполнения мостовых работ и т. д. [4, с. 85].

Некто Лев Пишкевич оформил 8 июня 1519 г. дарение своего имущества в пользу Пустынского монастыря. Из жалованной грамоты князя М. И. Жеславского из Мстиславля 1 июля 1519 г. видно, что он отписал в пользу Спасской церкви, около Пустынского монастыря, село Никоновское. Были пожалования и от королевской власти. В 1541 г. великая Сигизмунда I Бона издала специальную грамоту о выделении вотчины в пользу Кобринского и Спасского монастыря. Это были два земельных владения. А в августе 1554 г. Сигизмунд

Август издал привилей на особое привилегированное положение священников Острицкой церкви св. Спаса [1, с. 25, 36–37, 51–53; 5, с. 59].

Духовенство и их подданные были освобождены от несения земской службы, отправление которой для шляхты было связано с большими материальными расходами. Шляхта и бояре с завистью, а подчас и ненавистью смотрели на обширные земельные владения церкви и выражали крайнее недовольство его сословными привилегиями. Возникновение данной проблемы было связано с тем, что церковь являлась одним из оплотов верховной власти при феодализме, а священники по уровню своего экономического благосостояния достаточно ча-

сто были выше, чем светские феодалы. У представителей духовного сословия отсутствовало желание выставять со своих владений вооруженных ратников в период нашествия врагов. Ситуация оказалась такова, что этот сословный институт общества стремился к самоизоляции и невмешательству в общегосударственные мероприятия, влекущие за собой материальные расходы. При таком поведении духовенства шляхту вполне могли охватить заблуждения в вопросах веры. Представителям благородного сословия, шляхтичам, приходилось кривить душой при обсуждении религиозных вопросов. Это, несомненно, могло привести только к противоречиям между прихожанами и служителями культа. Решать эти и другие вопросы можно было только с помощью реформ и преобразований в религиозной жизни.

### Литература

1. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Т. 33 : Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви 1443–1661 гг. – Вильна, 1908. – LXXXIV. – 567 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5т. Т.I, 1340–1506 гг. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. – 432с.
3. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1/сост. И введ. М.В. Довнар-Запольского. – М., 1897. – 596 с.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией 1588-1632 гг. – Т. IV – СПб., 1851.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–15. – СПб., 1863-1892 гг. / ред. Т. 1-9 Н. И. Костомаров. – Т.1, 1361–1598 гг. – СПб., 1863. – 301 с.